

ДОМ, В КОТОРОМ Я ТЕБЯ ПОТЕРЯЛА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

ЛитРес: Самиздат

НАТАЛЬЯ РОСИН

Наталья Росин

Дом, в котором я тебя потеряла

<https://litres.ru/59489933>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-03809-7

Аннотация

Пятнадцать лет назад Белозерские сгорели в собственном доме в Карелии. Выжила только маленькая Алиса, которая ничего не помнит о той ночи. Как и о своем детстве. Как и о том, почему её тело покрыто шрамами и явно не от пожара. Спустя 15 лет Алиса решает продать родовое гнездо. Но приехав, понимает: дом не пуст. В нем живут призраки.

Кто-то наблюдает за ней. Кто-то шепчет её имя по ночам. А местные сплетни и старые записи сообщает горькую правду: семья Белозерских была далеко не идеальной.

Здесь каждый помнит ту ночь. И каждый лжет. Потому что правда о пожаре похоронит не только прошлое, но и настоящее.

Содержание

1 глава. Алиса	4
2 глава. Тяжелый разговор	20
3 глава. Прощание	38
4 глава. Прошлое всегда догонит	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Наталья Росин

Дом, в котором я тебя потеряла

1 глава. Алиса

24 июня 2004 года

Той ночью в лагере Алиса проснулась от непонятного толчка в груди. Она сонно открыла глаза и прижала ладошку к самому сердцу, пытаясь успокоить его. Вокруг стояла тьма и тишина. На какое-то мгновение Алиса подумала, что находится совершенно одна в комнате. Но спустя минуту она стала различать звуки – мерное дыхание Регины, соседки по комнате, и шум ветра за окном.

Алиса села в кровати, оглядываясь вокруг. Она пыталась понять, из-за чего сердце так зашлось в ужасе? Ветки деревьев били по стеклу. Где-то вдалеке с чудовищной силой загремел гром. И Алиса с наслаждением вслушивалась в эти дикие, необузданные звуки.

– Это мне не страшно, – прошептала она сама себе. – Это я радуюсь?

Ликую. Она вспомнила это слово, ещё новое для неё, услышанное недавно от Веры Павловны, учительницы по ли-

тературе. «Ликование души», – повторила про себя Алиса, смакуя звуки нарастающего грома. Грохотанье разбудило и Регину. Захныкав, она перевернулась на другой бок и вновь спокойно заснула.

Комнату заполнил запах разряженного воздуха, смешанного с ароматом карельских сосен и вод Мергубского озера, на берегу которого стоял их лагерь. Алиса улыбнулась, подтягивая к подбородку одеяло. Она чувствовала себя тайной свидетельницей чего-то совершенно чудесного и неповторимого. Все спали, и только она подсматривала за природой, вдыхала этот преддождевой запах и слушала раскаты грозового хохота.

На мгновение грохотанье остановилось. Все звуки словно выключили, и сама Алиса прекратила дышать. Мелко застучал по окнам и карнизам дождь, с каждой минутой всё увереннее перерастая в ливень. Алиса задрала голову, радостно и замороженно глядя, как крупные капли стекали по стеклу, подсвечиваемые светом фонаря. Пахло хорошо, и под одеялом так уютно и тепло, особенно в такой сильный ливень.

Алиса нырнула с головой под одеяло, устраиваясь в кровати поудобнее. Через минуту она уже сладко спала с застывшей на губах улыбкой, предвкушая чудесное, полное приключений утро.

На следующий день, возвращаясь с вечерней прогулки в лес, Алиса издали заметила у лагеря тетю Веру. «Они приехали навестить меня?» – Радостно подумала девочка, уско-

ря шаг. Она подбежала к тете, не переставая выглядывать маму и папу среди приезжих. Но приблизившись к Вере почти вплотную, Алиса сразу поняла, что случилось что-то плохое. Тетя стояла белая и застывшая, словно высеченная фигура изо льда.

– Где мама и папа? – спросила Алиса.

Но тетя только покачала головой, закусив нижнюю губу. В её глазах стояли слезы.

– Их больше нет, – слова гулко упали в воздух.

В эту ночь её родители погибли в пожаре, и жизнь Алисы изменилась навсегда.

15 лет спустя, май 2019 года

Я медленно вдавила кончик сигареты в дно пепельницы. Перегнувшись через ограждение балкона, в сотый раз оглядела улицу. Внутри затаилась надежда всё же выцепить из темноты очертания знакомой фигуры. Но безуспешно. Только дети, бегущие домой, женщины с двумя сумками в руках и усталые чужие мужья.

Закутавшись в застиранную кофту, я с тоской слушала, как соседи снизу бурно выясняют отношения, как со свистом проносятся машины по дороге и как где-то вдалеке разбилась бутылка. Ненавижу этот город. И какой дьявол сподвигнул нас снять комнату здесь?

Я поехала от отвращения, разглядывая серое месиво многоэтажек. И перед глазами вместо них вновь возникали

высокие, многовековые сосны Карелии.

Невольно вырвался вздох. Я с тоской вспомнила дом. И рука вновь потянулась к сигаретам. Когда-нибудь у меня хватит сил просто взять и бросить, но сейчас мое брэнное тело со страстью присосалось к никотиновой заразе. Я подняла голову к небу. Звезд не видно – только полярная звезда с неутомимой яркостью поблескивала издалека.

– Привет, родная, – тихо поздоровалась я с ней, – двадцать три года знакомы.

Становилось всё холоднее, но я только сильнее обнимала себя за плечи, не желая возвращаться в комнату и снова смотреть на часы. И ходить по комнате, прислушиваться к звукам с лестничной площадки и замирать каждый раз, когда поднимался лифт, думая, что это он едет ко мне. Лучше здесь, на балконе, где, несмотря на всю ненависть к этому городу, я всё же чувствовала себя не так одиноко.

Взгляд безудержно выискивал его фигуру, и я со злостью одергивала себя, замечая отчаянную надежду внутри. Успокойся, истеричка. Не происходит ничего страшного. Он просто решил снова похулиганить и выпить с Женькой. От этого мир не рухнет и солнце на западе не взойдет. Но рука нервно выхватывала из пачки уже пятую сигарету за час.

Я стойко простояла еще полчаса на ветру, ожидая, что балконная дверь внезапно откроется и меня обхватят руки Тимура. Воображение настолько услужливо показывало эту картину, что я действительно спиной почувствовала движе-

ние. И резко оглянулась. Но сзади никого не было. От досады выступили слёзы. Просто дура, что еще тут сказать.

Сколько я себя помнила – безумно боялась прощания. Как же мы легко прощаемся. Кивок, улыбка, взмах руки, поцелуй в щеку, «ну, давай». Меня всегда это пугало и завораживало. Почему люди не боятся, что этот кивок будет последним прощанием? Хотя... Я тоже когда-то не боялась. И другие люди вряд ли прощались навсегда, в отличие от меня.

Не выдержав мороза, я всё же вернулась в теплую темноту комнаты. Съежившись в кресле, замерла, слушая, как стучат стрелки часов. Ненавижу. Надо бы просто встать и выкинуть их, наконец. Но всё никак рука не поднималась. Сейчас посижу ещё минутку и вышвырну чёртовы часы с балкона.

Очнулась я в том же кресле от стука входной двери, вздрогнув всем телом. Чувствовала себя отвратно – голова раскалывалась от боли, ноги онемели от скрюченной позы, а губы пересохли от курева и жажды. Я попыталась выпрямить ноги и тут же охнула от боли. Руки и спина также покалывали. Да и в целом сон в кресле плохо сказался на моем самочувствии.

Комнату наполнил серый утренний свет. Теперь я могла вдоволь насладиться выражением лица вошедшего Тимура – ох уж эта пьяная и полная ощущения собственной безнаказанности физиономия. Встав в дверях, он сложил руки на груди и смотрел на меня свысока. Притворяется. Я такое определяла сразу. На самом деле места не может найти

от стыда, но «истинные джентльмены не показывают своего раскаяния». Спасибо Женьке за гениальную цитату.

– Есть что на ужин? – вызывающе спросил Тимур, чуть покачиваясь.

Я устало зевнула и потянулась за телефоном, чувствуя, как хрустит каждая косточка. На экране высветились цифры – полседьмого утра. Чудненко. Вторая ночь, которую мы ночуем не вместе. Хоть пришел, и на том спасибо. Я невольно почувствовала облегчение и даже радость. Главное, что пришел.

– Ужин уже стух, а вот завтрак еще только ожидается, – спокойно ответила я, стараясь не показывать этого облегчения. Истинные леди не показывают своей радости.

Кричать и устраивать истерику тоже не хотелось. Три года совместной жизни дали понять, что крики бесполезны в лечении подобных эксцессов. Поэтому потянувшись хорошенько, я просто встала и прошла мимо суженого на кухню. Онемение еще не сошло окончательно, и я невольно охнула, когда по ноге пробежались мурашки. Брр.

Первым делом, дойдя до кухни, я набрала воду в чайник и поставила его на плиту. Закоренелый кофеман внутри меня жаждал кофе и был готов убивать за него. Сзади неуверенно и пьяно топтался Тимур, громко сопя и не зная, что делать. О его ноги терлась Милка, наша серая дворянка, подобранная у подъезда три года назад. Теперь она рисковала быть задавленной.

– Может, спать пойдешь? – не выдержала я, повернувшись к Тиму. – Я разбуду, как будет всё готово.

– Да не готовь, тебе же на работу скоро, – заплетающимся языком проговорил Тимур.

Надо же, видимо, совесть брала верх над «джентльменскими» качествами.

– Сегодня воскресенье, слава Всевышнему, – я подняла глаза к потолку. И сразу же заметила паутину в углу. Надо бы убрать.

– Хорошо, – кивнул Тим, пьяно моргнув и попытавшись улыбнуться как можно добрее, – я тогда пойду вздремну.

– Отличная идея, – энергично кивнула я.

Тим, шатаясь, вышел из кухни. Чайник засвистел, и я с нетерпением схватила банку с кофе. Спустя минуту мои дрожащие руки уже сжимали кружку с дымящейся черной жидкостью. Я сделала глоток, чувствуя, как кофеин растекается по крови живительным теплом. Боже, ты наградил меня за страдания. На этом подарки судьбы не закончились – раздался раскатистый храп Тима.

Вместе с чашкой я вошла в зал, где и распостёрлось тело любимого. До спальни он не дошел, и теперь вся комната наполнялась запахами перегара, но мне уже было всё равно. Главное, что все теперь дома и всё хорошо. Я почувствовала неожиданное спокойствие после целой ночи в страхе, что больше мы не увидимся. Осталось только тихое утро.

Миновав храпящее на диване тело, я вышла на балкон. В

туманной дымке на горизонте едва забрезжил медовый свет восстающего из забвения солнца – так мое воображение нарисовало картину рассвета. Но на самом деле всё, что открывалось взору с балкона, – это окна многоэтажки через дорогу. И кусочек серого неба. Я обреченно вздохнула и сделала новый глоток. Что ж, это тебе не окрестности Сортавалы.

И я невольно вспомнила утро в нашем старом доме. Перезвон птиц, шум тарелок доносится с кухни, моя детская комната, пропахшая лавандой и деревом. Я повела носом, представляя всё это с закрытыми глазами, и почувствовала запах искусственного меха моего розового зайца Банни. Да, он неизменно ассоциировался с домом и детством.

Я открыла глаза и нахмурилась, вспоминая, как при отъезде из Карелии мне не дали его забрать с собой. Я вопила как одержимая, рвалась к дому и пинала держащую меня тетю Веру, но её железная рука лишь уверенно вела меня к машине. «Пойдем, Алиса, бабушка ждет тебя», – говорила она спокойно и холодно. Внутри все содрогнулось от воспоминания.

– Банни остался там. Пожалуйста, можно его забрать? – умоляла я уже под конец, устав от собственного крика.

– Мы не можем, – сказала Вера, заталкивая меня в машину. – Он отдыхает дома. Как всё закончится – мы его забередем.

Я поверила ей тогда, но Банни так и остался в доме. Это возникшее воспоминание теперь не давало мне покоя. Поче-

му Вера так не хотела возвращаться за игрушкой? Словно ей не хотелось оставлять мне что-либо напоминавшее о доме. Я потёрла глаза холодными пальцами, стараясь успокоиться.

Зайдя обратно в комнату и сев в кресле рядом с диваном, на котором спал Тимур, подложив под голову сложенные руки, я закрыла глаза, вновь и вновь представляя дом. Таким, каким я его запомнила до пожара.

Небольшой, уютный, спрятанный укромно среди сосен, двухэтажный дом в бежево-коричневых тонах. Эркер с кружевами лепнины, деревянная скамейка на веранде, красная герань в кашпо, брошенный велик на газоне и игрушки в песочнице. Любимый семейный дом, который строили на века и трепетно хранили для нас, будущих поколений.

Когда машина увозила нас с тетей Верой от дома, я видела его в последний раз. Полусожженным, с пустыми черными глазницами, но продолжающим надежно и крепко стоять, словно прошедший войну солдат. И он до сих пор ждет меня.

Я открыла глаза, судорожно вздохнув. Нет, Алиса, ты не будешь плакать. Достаточно уже слез по гибнувшему наследию. Я ничего не могу с этим сделать. Надо просто смириться и жить дальше. Хотя бы ради нашей семьи.

И всё же в голову закралась мысль попросить Веру сфотографировать дом. Я отбрасывала эту идею, но она продолжала атаковать мою голову. Общения с тетей мне не хотелось, но желание увидеть дом снова победило. «Позвоню завтра», – пообещала я самой себе.

Солнце тем временем поднималось всё выше, и город начинал всё активнее шуметь. Я почувствовала пустоту в желудке. Милка, словно угадав мои мысли, требовательно мякнула, восседая на спине неподвижного тела Тимура. Я вздохнула и обречённо поднялась, двинувшись на кухню. Пора уже всех нас покормить.

Я успела не только покормить кошку, но и сама поесть два раза, прежде чем Тимур восстал из параллельного мира. Взлохмаченный, с обострившимися скулами, темными кругами под несчастными голубыми глазами, он с трудом поднялся с дивана, мутно взглянул на меня, мирно поедающую орешки за ноутбуком, и молча скрылся в ванной. Спустя полчаса вышел оттуда почти похожим на себя.

– Привет, – сказал Тим, встав рядом.

Я в ответ кивнула, продолжая смотреть в экран. Говорить с ним мне особо не хотелось. Во-первых, этот разговор обречён на скандал, во-вторых, ничего нового я уже не услышу. Тимур некоторое время помялся рядом, затем присел на краешек дивана, как испуганная школьница в кабинете директора. Длинная шея, черные взъерошенные волосы и угловатые плечи. Есть в нем что-то трогательное и немного детское. Я невольно потянулась вперед, чтобы поправить вечно торчавший вихор на голове. Тим улыбнулся. На его веснушчатом лице обозначились ямочки. Он осторожно поцеловал меня в щеку, наклонившись вперед.

– Иди поешь, макароны в холодильнике, – ответила я, сер-

дьясь на саму себя за то, что так быстро сдалась.

– Да ну их, – обреченно произнес Тимур, кладя голову мне на плечо. – Простишь меня?

Я начинала злиться. Он мешал мне отвлечься от колющей боли в груди, что сигнализировала о бесконечном разрыве между нами. Я нахмурилась и чуть отодвинулась.

– Слушай, давай ты не будешь сидеть здесь с видом побитой собаки, а просто пойдешь на кухню и разогреешь макароны? – сказала я. – Я не хочу сейчас говорить.

– Прости, что я не отвечал на звонки, – продолжал Тимур. – Я не должен был так поступать. А потом он разрядился.

– Ой да хватит, – я почувствовала ярость. – Хватит извиняться. Ты не чувствуешь вины. Сотни раз уже говорили о том, чтобы не пропал просто так. Мы пока что еще живем вместе, и ты мог меня предупредить!

– Да, я знаю, – обреченно произнес Тимур. – Я хотел потом позвонить, но телефон уже отключился.

– У Женьки есть телефон. И я ему, кстати, тоже не дозволилась.

– А ты не звони. Он мой друг, – ответил Тимур ухмыльнувшись. Вот гад.

– Не перестанешь шлаться по ночам, станет и моим тоже, – буркнула я, вновь закрывая ухо наушником. Разговор явно вел в никуда.

Тимур хмыкнул, погладил мою руку и ушел на кухню. А я продолжила рассматривать очертания дома на картинке.

И всё больше приходила к неутешительному выводу – это наш старый дом. Я обнаружила картинку, когда в очередной раз проглядывала объявления о продаже дома в Карелии, в районе Сортавалы. И вот что выдал мне поисковик на новый запрос.

– Что это за дом? – спросил внезапно вернувшийся Тимур с уже разогретыми макаронами с подливой. – Тот самый?

– Да вот пытаюсь понять. Очень похоже. Он немного изменился, да и сфотографирована только правая сторона. Видимо, та, что не обгорела.

Тим сбоку яростно нападал на макароны, отчаянно чавкая и фыркая.

– Тише, – шикнула я на него, приближаясь к ноутбуку.

Сад зарос травой, камень потемнел и покрылся мхом, исчезли цветы и игрушки с веранды, но элементы схожести были видны сразу. Тот же эркер, качели на заднем дворе, само расположение комнат. Не может же быть такого совпадения?

– И что, каков твой вердикт?

– Это точно наш дом, – со вздохом произнесла я.

– Как ты вообще наткнулась на эту фотографию? – спросил Тимур, оторвавшись от еды и вглядевшись в изображение. Он раньше никогда не видел дома, о котором я так много рассказывала.

– Я постоянно смотрю объявления о продаже домов в Карелии. Не спрашивай зачем.

– А зачем, собственно? – внимательно посмотрел на меня

Тимур.

– Да, я лелеяла надежду купить там домик. И взять тебя с собой. Неважно, это просто мечты, Тим. А тут вот я наткнулась на это объявление.

– Это, получается, твоя тетя продает ваш дом? – до Тима после веселой ночи явно туго доходило. Он удивленно взглянул на меня. – А разве она может это сделать без твоего ведома?

– Насколько я знаю – нет.

– И как давно выложено объявление?

– Размещено неделю назад. И она даже не попыталась мне позвонить, – я взглянула на него. – Что мне делать теперь?

– Что делать, – вздохнул Тимур, откидываясь на спинку дивана. – Созваниваться с ней и решать этот вопрос.

– А если она не ответит? Или пошлет меня? То тогда что?

– Тогда она не продаст дом. Только странно, что она сама этого не понимает. Подожди, может, она и позвонит.

– Это очень вряд ли, – пробормотала я, сохраняя картинку на ноутбук и закрывая вкладку.

Я чувствовала себя усталой и измученной. Начинала болеть голова, а вместе с ней и старый шрам, происхождение которого я не помнила.

– Утром позвонишь и всё узнаешь, – сказал Тимур, погладив меня по плечу. – Просто успокойся. Может, она ищет покупателя заранее, а тебе пока боится сказать.

– Может.

– Давай я постараюсь тебя отвлечь? – сказал Тимур, прижимая меня к себе. Я невольно почувствовала благодарность. В такие моменты хорошо, когда есть за кого зацепиться.

– Всё же ты не совсем негодяй, негодяй, – я боднула лбом его плечо.

Комнату на миг осветила вспышка зарницы. Близился дождь. Я шикнула от внезапной боли в висках.

– Что такое?

– Голова заболела сильно. И шрам чешется и словно горит. Он не красный?

– Дай посмотрю. Да нет, всё нормально.

– Наверное, из-за головной боли.

– Принесу таблетку.

Тим открыл шкаф, в котором стояла аптечка и начал в нем копать. Я продолжала тереть шрам, хотя понимала, что болит не он. Что-то внутри головы не отпускало и зудело. Я закрыла глаза и откинула голову на спинку дивана.

– Держи, – протянул мне таблетку Тим. – Сейчас воды принесу. Что-то прошлое тебя сегодня не отпускает.

Он вышел из комнаты, а я продолжала думать над его словами. Что ж, прошлое меня никогда и не отпускало. И вряд ли отпустит. Хотя Тиму знать об этом совсем необязательно.

Гроза, наступающая на город, одобрительно загрохотала вдалеке, словно подтверждая мои слова. Сверкнувшая молния осветила комнату, и на миг я увидела свое отражение в

стекле буфета. И тут же в голове, словно давно ожидая разрешения, закрутилась давно забытая сценка из прошлого. Меня захлестнули воспоминания.

Но едва я стала осознавать, что именно вспомнила, как в комнату вошел Тим со стаканом воды. И воспоминание, юркнув, спряталось обратно в самые глубины памяти, где и жило до сих пор. Я почувствовала облегчение и улыбнулась Тиму, одним глотком запив таблетку. Лучше и не вспоминать.

Потому что вспомнив, я просто не смогу жить так же, как и прежде.

Сентябрь 2001 года

Окутанная темнотой, Алиса сжалась в комочек в самом углу огромного стенного шкафа. Она дышала тихо и очень часто, запыхавшись от непрерывного бега с первого этажа на второй. И в этой крошечной тьме звук ее дыхания казался чужеродным, не из этого мира. Немного успокоившись, Алиса прислушалась к происходящему вне шкафа.

Дверь комнаты открывалась очень медленно и осторожно, но чуткий слух Алисы уловил еле различимый скрип. Она сжала рот двумя руками. Нельзя, чтобы ее нашли. Она не знала почему, но сердце гулко стучало, предвещая беду. «Если она меня найдет, то случится ужасное», – пронеслась в голове мысль.

– Алииса, – издевательски пропел голос. – Где ты? Где

маленький Лисенок?

Но Алису не обмануло это нежное обращение. В ее голосе уже чувствовалось ЭТО. Алиса закусила губу. «Пожалуйста, пусть придет папа», – мысленно молила она. На глазах у нее уже начинали выступать слезы от ужаса.

– Всё равно тебя найдууу, – продолжал напевать голос с издевкой. – Под кровать я загляну, за волосы утяну и с балкона тебя спущу.

Услышав ее смех, Алиса беззвучно заплакала, вжимая голову в коленки. Она ободрала их днем ранее во время догонялок, и теперь ранку больно разъедали слезы, но по сравнению с тем, что ее ждало – это сущий пустяк. По комнате раздавались шаги. Ее преследовательница ходила взад и вперед по крошечной детской и Алиса поняла, что ее уже обнаружили. Просто ОНА любила поиграть перед тем, как уничтожить.

– Это просто чудовище из книжки, – одними губами произнесла Алиса и сунула большой палец в рот.

Она так часто делала, чтобы успокоиться. И сейчас это возымело эффект – ее сердце перестало так сильно биться. Но в эту секунду дверь шкафа резко открылась, руки раздвинули одежду, и прямо перед лицом Алисы появилось ЕЕ лицо – перекошенное от восторженной улыбки. Прилив начался. Алиса закричала.

2 глава. Тяжелый разговор

Май 2019 года

– Тише, тише. Успокойся, милая, все хорошо. Это сон, – испуганно шептал Тимур, прижимая меня к себе.

Я очнулась от собственного крика. И несколько секунд только могла смотреть в темноту, не в силах пошевелиться. Страх сковал мое тело, и оно отказывалось двигаться, словно парализованное. Все вокруг замерло. Я не слышала голоса Тима и не осознавала, что происходит. Но спустя секунду оцепенение отступило, и я неожиданно для себя разрыдалась. Прямо как в детстве.

– Что случилось? – спрашивал Тимур ошарашенно, качая меня на руках. – Кошмар?

– Это не просто кошмар, – сквозь всхлипы проговорила я, начиная понемногу успокаиваться от его прикосновения. – В том-то и дело. Это случилось на самом деле.

– Всегда так кажется, утром, скорее всего, уже и не вспомнишь.

И я закрыла глаза, проговаривая про себя его слова. Это просто сон. Просто сон. Вот кровать, вот теплые руки Тима и уютная темнота нашей квартирки. Все хорошо. Здесь никто не хочет меня убить.

– Может быть, – устало произнесла я, высвобождаясь из рук Тима и вытирая мокрые глаза, – ты прав.

– Конечно, я всегда прав, – усмехнулся в темноте Тим. – Спи, лиса.

Он грохнулся обратно на свое место и спустя секунду сопел как ни в чем не бывало. Негодяй. Я уткнулась ему в плечо носом, продолжая лежать без сна. И стоило Тиму заснуть, как сердце вновь заколотилось от страха. Это был не просто сон. И с каждой секундой я все четче осознавала это. Я всматривалась в темноту, слушая залиvistый храп Тимура, но видела всё ту же темноту из сна. Что же произошло тогда?

Судя по ощущениям тела, во сне мне едва исполнилось пять, не больше. Но кто охотился на меня? Кого я настолько сильно боялась? Может, мама? И перед глазами возник образ матери с ее тонкими чертами лица и усталыми глазами. Нет, это не могла быть она. Невольно вспомнился холодный голос тети Веры. Что ж, ее я боюсь до трясучки и в двадцать три года, так что пятилетняя Алиса вполне могла в ужасе прятаться от тетушки в шкафу.

Я невольно хмыкнула. И все же меня беспокоил этот полусон-полуявь. Моя память упорно не хотела открывать все темные пятна. Я вообще с трудом могла вспомнить события до семи лет. словно кусок моей жизни аккуратно вырезали. Я отлично помнила все последующие года, но то, что происходило до семи лет, оставалось загадкой. И детский психотерапевт, наблюдавшая меня лет до пятнадцати, сделала свое заключение:

– Скорее всего, в возрасте шести-семи лет с тобой случи-

лась стрессовая ситуация, после которой твой мозг решил уйти в так называемый спящий режим. Потом случилась трагедия с твоими родителями. И твое сознание защищается от нового стресса, прикрыв острые моменты темной тканью. Придет время, и, почувствовав безопасность, ткань спадет, и ты все вспомнишь.

Как по мне – она просто умело прикрыла собственную беспомощность в возвращении ко мне памяти. Я ждала уже пятнадцать лет после гибели родителей. И все это время купалась в постоянно всплывающих воспоминаниях о доме, саде и родителях. И о том, кто меня ненавидел. Чье лицо постоянно являлось в страшных снах, но я не могла разглядеть его.

Хотя, возможно, что со мной просто играли в прятки. Та же Динка, двоюродная сестра, или тетя Вера. И детская фантазия додумала все ужасы. Так часто бывает. После десятилетий изучения книг по детской психологии я это точно знала.

Эта мысль меня успокаивала. Усталость брала верх над разумом, и я уже была согласна на все, лишь бы вновь погрузиться в тепло и уют сна.

Утро началось с привычной суеты. И как обычно, сначала проснулся Тимур. Сквозь сон я чувствовала, как источник тепла, его тело, ускользает из-под моей руки и садится в кровати. А затем удаляется в сторону ванной.

– Неет, – простионала я, приподнимая голову, но она тут же снова упала на подушку.

Я слышала сквозь чуткий утренний сон, как Тимур зашумел водой в ванной, затем прогулялся по коридору до кухни, загремел посудой. Усилием воли я все же открыла глаза. Опаздывать на работу категорически не рекомендовалось – двадцать пять учеников под дверьми кабинета равны по силе шума одной бомбе. А мои рабочие отношения с директором школы и так болтались на ниточке.

Я нашла в себе силы взглянуть на часы и осознать, что до работы оставалось буквально часа полтора. И тут же села в кровати. В ванной я некоторое время разглядывала артефакты, оставленные Тимуром после умывания, – сбритые волоски в ванной, ошметки зубной пасты на запотевшем зеркале, грязное полотенце, брошенное на стиральной машине, привете из советского прошлого. Проведя полотенцем по зеркалу, я уставилась на собственное мутное отражение. Когда-то мне оно даже нравилось. Когда-то в зеркале отражались настороженные темно-зеленые глаза, медного цвета волосы и острое лицо с упрямо вздернутым носом. Теперь же в отражении стояло нечто с огромными тенями под глазами и торчащими пружинами волос. Старый шрам, рассекающий бровь, чуть покраснел.

– Странно, – я коснулась пальцем шрама и приблизила лицо к зеркалу, рассматривая его внимательнее.

Никаких воспалений или ранок. Может, просто расчесала

ночью? Или покраснел от жары, стоявшей в ванной комнате. Похожий рубец красовался также на моей правой руке. Но как объяснили родители, он появился после падения с качелей. А вот происхождение шрама над бровью неизвестно.

Сколько я себя помнила, этот длинный тонкий рубец всегда был при мне. И на вопрос о его появлении мать всегда пожимала плечами, словно он просто однажды возник на моем лице без причины. Со временем я смирилась. Это просто еще одна загадка, еще один вопрос без ответа. А их в нашем доме на отшибе таилось множество.

Я набрала холодной воды в ладони и ополоснула лицо. Подняв голову, увидела в зеркале прямо позади себя темный силуэт.

– Твою ж мать! – я резко обернулась, чувствуя только горький вкус страха во рту.

Но кроме старой стиралки в желтых подтеках ничего не увидела. Показалось. Я села на бортик ванной, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Раньше со мной бывало подобное, но в этот раз видение случилось особенно реалистичным. Похоже, я начинаю сходить с ума.

– Лиса, ты чего вопишь? – спросил Тимур, заглядывая в ванную.

– Себя в зеркале увидела, – отшутилась я, находя в себе силы улыбнуться.

Рассказывать про увиденное не хотелось. Тем более после ночного кошмара. Да и при следующей ссоре Тимур не по-

брезгует припомнить мне эти случаи в качестве доказатель-ства того, что я окончательно свихнулась. Плавали, знаем, как говорится.

Но Тим продолжал молча на меня смотреть. Ох, как же мне не нравился этот взгляд. Тимур умел в одно мгновение из детской трогательности перейти в состояние твердости и непреклонности. Я обреченно развела руками.

– Да поскользнулась и чуть не упала. Все нормально.

– Ну ладно. Осторожнее, – он с недоверием взглянул на меня напоследок и закрыл дверь.

Наскоро умывшись и почистив зубы, я вышла из ванной и прошла на кухню, погладив по пути Милку, сидящую на пластиковой тумбе из-под обуви. Тимур уже активно надкусывал бутерброд с сыром и колбасой. Я присоединилась к нему, обняв дымящуюся кружку обеими руками.

Свет просыпающегося солнца пробивался сквозь старомодные кружевные занавески на кухне и я, щурясь от лучей, невольно улыбнулась. В конце концов, ничего настолько ужасного не происходило. Просто жуткие явления прошлого. Впрочем, мне пора бы и привыкнуть. Я отпила из кружки и впервые за это утро почувствовала себя спокойно.

– Чего ты улыбаешься? – спросил Тимур, наблюдавший за мной исподтишка.

– Просто... Знаешь, в этом что-то есть. Наша старая кухня, утро, мы вдвоем, кофе. Хорошо же?

– Ага, – произнес Тимур, но с некоторым сомнением. Он

явно что-то подозревал.

Черт. Надо держать себя в руках. Если повторятся подобные кошмары или крики из ванной, то он заставит меня вновь ходить к психологу. И принимать кучу успокоительных таблеток, от которых я становилась вялой и согласной на все, лишь бы оставили в покое.

– Я совершенно не подготовилась к урокам из-за объявления о продаже дома, – сменила я тему, откусывая от бутерброда.

– Ты всегда готова к урокам. Ну или сымпровизируешь. Кстати, ты не опоздаешь? Уже почти полвосьмого.

– Черт, – я стала пить кофе быстрее, обжигаясь и морщась.

Прикончив бутерброд, я ушла собираться. Спустя минут пятнадцать активных сборов, я взглянула на себя в зеркало в полный рост. Теперь растрепанные медные пружины собрались в аккуратный пучок, на веках появились небольшие стрелочки, удобная растянутая пижама сменилась строгим брючным костюмом. И явилась перед Тимом преображенной.

– Совершенно на себя не похожа, – задумчиво произнес он, продолжая не спеша отхлебывать кофе. – Словно чужая женщина. Никогда к этому не привыкну.

– Плохо выгляжу?

– Да нет, хорошо. Просто так и хочется тебя назвать именем нашей русички. Марь Алексеевна, как вам кофеек?

Негодник широко улыбнулся. Я почувствовала невольный

прилив нежности. Все же он умел сделать так, чтобы я улыбнулась.

– Сам ты Марь Алексеевна, – фыркнула я.

Он проводил меня до дверей, продолжая наблюдать, как я торопливо проверяла, не забыла ли чего, и подкрашивала губы алой помадой. На прощание я улыбнулась ему и помачала рукой.

– Стоять, – скомандовал Тимур и притянул меня к себе, чтобы поцеловать. – Давай, мать, удачи тебе.

– Ага.

Я обреченно вздохнула и вышла из квартиры в приятную прохладу подъезда. Выйдя на улицу, вдохнула воздух, пропитанный утренней свежестью. Утром в городе пахло прекрасно. Люди еще не успели уничтожить эту магию ежедневной суетой. Я спрятала замерзший нос в шейный платок, чувствуя запах духов Тимура – смесь мускуса и хвои. И невольно улыбнулась. Он всегда со мной, что бы ни случилось.

Сев в маршрутку, я надела наушники и ткнула на значок проигрывателя в телефоне. В уши полилась любимая гитарная акустика. Немного задержав палец на экране, я все же зашла в галерею с сохраненными фотографиями и ткнула на изображение дома. В сердце екнуло так же, как и в первый раз, когда я увидела объявление. И я с неохотой вспомнила, что собиралась позвонить тете Вере. Вздохнув, я убрала телефон и погрузилась в дрему под музыку, пытаюсь не думать

о предстоящем тяжелом разговоре.

Получалось не очень. Я недолго жила в доме у тети Веры после пожара, около года. Но и это краткое время я вспоминала с содроганием. Нет, Вера не держала меня в чулане, как одного небезызвестного мальчика со шрамом, но атмосфера в доме тетки царила напряженная.

– Почему ты так не любишь своих родственников? – спросил у меня как-то Тимур.

– Мой старший брат время от времени душил меня подушкой, а вот сестра... отдельный разговор, – ответила я тогда, и теперь даже музыка не спасла меня от новой волны ненависти, едва в памяти возник дом Веры, в котором все подчинялось ее правилам.

Этот дом, в отличие от нашего, построил намного позже дядя Слава, выглядел новее и внутри пропах краской после недавнего ремонта. Белый сайдинг, круглое окно в мансарде, все условия, все аккуратно и «цивилизованно», как любила говорить Вера. Меня поселили в одну комнату с Дианой, двоюродной сестрой, выделили такую же белоснежную и уютную кровать с тумбочкой. Все, как в гостинице.

Члены семейства Выхиных ежедневно вместе завтракали и ужинали как положено. Время за компьютером и телевизором строго ограничивалось, уроки регламентированы, и за любое несоблюдение графика ожидалось наказание. Однажды я по незнанию опоздала на завтрак и на весь день осталась вообще без еды. Холодильник же запирался собствен-

норучно самой Верой, и без разрешения ничего брать не полагалось.

А еще меня засунули в школу. До семи лет я состояла на домашнем обучении и с одноклассниками встречалась только во время совместных мероприятий. Но Вера настояла на том, чтобы я ходила в школу вместе с Дианой. И сестра, с которой дома мы неплохо ладили, в компании других детей становилась невыносима. Я дернула головой, отгоняя дурные воспоминания. Особенно один эпизод, после которого стало ясно, что в доме Выхиных мне места не осталось.

Настроение окончательно испортилось. Я нервно дернула за наушники, увидев, что маршрутка подъезжает к нужной остановке. Пора на выход.

Кусочек голубого неба виднелся через щель в жалюзи. Я упивалась этим небом, медленно и спокойно вдыхая и выдыхая воздух. Главное держать себя в руках. Я чувствовала себя совершенно измотанной. Двадцать пять пар глаз пристально наблюдали за мной – кто с нелюбовью, кто с любопытством, кто просто сквозь меня. Потерпи, Алиса, это уже пятый урок. Просто соберись с мыслями.

– Итак, продолжаем, ребята, – твердо и спокойно произнесла я, перещелкивая слайд. – Запишите – в 1949 году Германия была разделена на два государства: Федеративную Республику Германию, сокращенно ФРГ, в западной части страны, и Германскую Демократическую Республику (ГДР)

в восточной. Посмотрите, как выглядела карта в то время.

На какое-то мгновение девятый класс умолк, молча записывая и время от времени переспрашивая некоторые слова. Но стоило мне начать лекцию, класс снова начинал гудеть, как встревоженный улей. Я почувствовала бессилие. Бессмысленно. Просто бы выйти и не вернуться. И так я думала уже пятый раз за день.

После звонка кабинет опустел в считанное мгновение, и я сжала виски руками. А ведь еще недавно я даже получала от своей работы удовольствие. Мазохистка. Когда-то маленькая Алиса мечтала стать археологом и даже в кошмарах я не могла представить, что стану учителем. Сначала я смирилась с этим. А вот потом все стало только хуже.

Когда-то я и не подозревала, что отношение некогда милых деток будет все более неуважительным, претензий от дружелюбной администрации все больше, а бумажная работа будет преследовать даже во сне. Весь мой энтузиазм после университета уничтожили, растёрли и получившийся прах развеяли по коридорам средней образовательной школы. Теперь шкала моего отношения к работе потихоньку двигалась к отметке «ненависть». Впрочем, взаимно.

– Алиса Викторовна, наконец-то история, мы соскучились, – заискивающе произнесла Аня Глинникова, учащаяся восьмого класса, заглядывая в кабинет.

Я строго взглянула на нее. Знаю я, к чему такие разговоры.

– Тебя нужно отпустить?

– Меня брат ждет внизу, мы едем к бабушке, – выпалила Аня, сверкая нагловатыми голубыми глазами.

– Если классный руководитель отпустит, тогда иди.

– Ну пожалуйста, – умоляюще произнесла Анька.

– Нет, – твердо ответила я, энергично встала и стерла с доски предыдущую тему под недовольный вздох Ани.

Конечно же, девятый класс не позаботился о чистоте доски. Впрочем, сама виновата, не сказала. Аккуратно выводя буквы новой темы, я слышала, как кабинет заполняется шумом. Восьмой класс галдел и шумно обсуждал предыдущий урок математики. С гоготом и матами. Я сделала вид, что не слышу. Это проще, чем перекрикивать гвалт.

– Если подготовились к уроку, то встали и вышли из класса! – громко сказала я, почувствовав, как раскалывается голова от шума.

Но меня мало кто услышал. Я устало вздохнула. Девочки, сидящие на первой парте, сочувственно мне улыбнулись, за что я их мгновенно возненавидела. Свидетельницы моего унижения. Махнув рукой, я сама вышла из кабинета. На шестом уроке сил кричать и выгонять всех из класса не осталось.

В туалете я немного успокоилась. Грея руки под теплой водой, я разглядывала свое отражение. От аккуратной прически не осталось и следа. Но шрам вновь приобрел нормальный цвет. Значит, все же не воспаление. А с остальным

я справлюсь. Не в первый раз все это проходила.

Остаток учебного дня закончился быстро. Я еще несколько раз чуть не сошла с ума от шума, пытаюсь восстановить дисциплину и даже одержав победу. Со звонком мы вместе с классом облегченно вздохнули. Сорокапятиминутная пытка прекратилась.

Впрочем, я недолго пребывала в тишине и спокойствии. Остался еще внеурочка, после которой на столе ждала кипа бумаг. Домой я собралась только после пяти. Хорошо, что у Тима сегодня выходной и мне не надо бежать, чтобы успеть приготовить ужин до шести.

Я радостно взмахнула сумкой, двигаясь к выходу из кабинета, когда вспомнила о тете Вере. Может, отложить на завтра? Я безумно устала. Но звонок неизбежен. Мне рано или поздно придется это сделать. Иначе прощай мой старый дом. Я потеряю единственное, что связывало меня с моей историей и памятью. И от Алисы Белозерской не останется ничего, кроме вспышек воспоминаний и вечного сожаления о прошлом.

И поэтому я медленно положила сумку обратно на стул и села на краешек стола. Палец еще некоторое время неуверенно витал над экраном телефона, не решаясь ткнуть в нужное имя. Вздохнув, я все же сделала это. Пошли долгие, нескончаемые и нестерпимые гудки.

– Да, алло? – спросил далекий, но такой знакомый голос тети с характерной хрипотцой.

– Привет, тетя Вер, – выпалила я и тут же рассердилась на саму себя. К чему этот детский тон? – Узнала?

– Алиса? – в голосе тети ей послышалась некоторая опаска. – Это ты?

– Да. Это я. Как вы там?

– Все хорошо. Ты-то как?

– Нормально, – мда, содержательный диалог.

Повисла пауза. Я закусила нижнюю губу. Мне вновь захотелось плакать. За дверью, громко возмущаясь, прошли ученики, задержавшиеся в школе, и я очнулась, глубоко вздохнув.

– Я звоню насчет родительского дома, – я слишком устала для намеков. Лучше говорить прямо и сразу о деле.

– А что с ним? – спокойно спросила Вера, словно давно ждала этого разговора. – Я за ним приглядываю, проверяю его раз в две недели, окна вон новые потихоньку вставляем, запах гари вывели. Ремонтируем его с Диной потихоньку. Я не говорила тебе разве?

Ну вот, началось. И снова внутри все наполнилось липким стыдом с примесью злобы. Да почему я вообще чувствую себя виноватой? Словно я сама очень хотела бросить дом и уехать в Белгород с бабушкой. И тетя Вера не уставала меня тыкать в это, как провинившегося котенка. О том, что я не очень-то жаждала покидать родные края, все деликатно умалчивали.

– Говорила, – ответила я сухо. – Я с удовольствием помог-

ла бы вам с ремонтом. Но жизнь распорядилась иначе.

Вот так. Получай свою дозу обвинений. Ведь не жизнь, а именно ты с удовольствием избавилась от меня, отправив подальше от моего дома. Я чувствовала нарастающее раздражение. И впилась ногтями в ладонь, стараясь держать себя в руках. Привычка так резко реагировать на провокации до добра точно не доведет.

– Да я разве говорю что насчет этого? – искренне удивилась Вера. – Просто чтобы ты не беспокоилась. Все под приглядом.

– То есть мне показалось и ты не собираешься его продавать? Ох, прости тогда, – злость выходила из-под контроля.

– Собираюсь, – спокойно ответила Вера. – А ты против? Жить там уже невозможно, по крайней мере нашей семье, время его тоже не щадит, с каждым годом состояние все хуже и хуже. Не продадим в ближайшее время – и от него точно ничего не останется.

Я постучала пальцами по столу, раздумывая несколько секунд над словами тети. Что ж, в них есть резон, и мой пыл начал угасать. Злостью тут точно дом не отвоевать.

– Ты могла для начала посоветоваться со мной.

– Да я позвонила бы, как только появился первый покупатель, – тетя Вера не сдавала позиций. – В очередь за домом никто не стоит, что толку тебя заранее тревожить? А так, ясное дело, что сказала бы, без тебя эту громадину не продашь.

– Посоветоваться насчет продажи, – пояснила я, решив не

отступать. – Ты не думала, что я не хочу его продавать?

– Ну, тогда тебе стоит найти того, кто будет за ним при-
сматривать, пока тебя здесь нет. У меня уже здоровье не то.
Да и Динке помощь скоро будет нужна.

– С ней все в порядке? – пожалуйста, скажи, что нет.

– Все в порядке. Забеременела просто, – с запинкой отве-
тила тетя.

Ого, так даже лучше. Я одернула себя. Алиса, нельзя быть
настолько злопамятной.

– Ох, поздравляю. Передай ей мои поздравления.

– Спасибо. У тебя как на этом фронте дела?

– Глухо. Что ж, я поняла, тетя Вер. Но ты подумай насчет
дома – может, его стоит сначала частично восстановить? Я
бы могла помочь с деньгами.

Моя рука невольно погладила сумочку, где лежал кошелек
с заветной карточкой, на которую я упрямо в течение девяти
лет откладывала деньги, сначала с сиротского пособия, а по-
том и со стипендии, стараясь получать всегда повышенную.
Любая лишняя копейка отправлялась в «Фонд дома», как я
называла его про себя. Конечно, сумма не была огромной,
но на восстановление дома вполне могло хватить. И я всегда
знала, что потрачу эти деньги именно так.

– Восстановить? – Вера всегда оживлялась, услышав сло-
во деньги. – Можно. Так и быстрее продадим.

– Да, вот и я о том же, – одобрительно закивала я, – ты
подумай хорошо и позвони мне, ладно?

– Хорошо.

– Тогда до связи. Приятно было тебя услышать, – солгала я, вспоминая холодный пот, который прошиб меня перед разговором.

– И я всегда тебе рада, – под стать мне «искренне» ответила Вера.

Да уж, наши семейные узы как никогда крепки. Отключившись, я некоторое время смотрела в пол. Линолеум, покрытый кругами от жвачек, представлял собой жалкое зрелище. Я вздохнула, отводя глаза. Внутри меня что-то перестраивалось. Момент, которого я так долго ждала, – наконец наступил. Я выдохнула и, выпрямившись, быстро вышла из кабинета.

Я приняла решение еще четырнадцать лет назад, когда меня, сжавшуюся на заднем сидении с прижатым к груди рюкзаком с вещами, отправляли из родного города в неизвестность. И каждый день, проведенный сначала в доме бабушки, а потом и в этой квартире, я раз за разом принимала одно и то же решение. Вернуться домой, чего бы мне это ни стоило.

Пока я шла к остановке, перед глазами вновь возник образ любимого дома. Обои кремового цвета в гостиной, подранные старой вредной кошкой Томой, выцветшее зеленое кресло у камина в углу, в котором я пряталась от непогоды. Наш маленький садик, в котором мама каждое утро возилась в широкополой шляпе и розовых перчатках. Яблонька, поса-

женная в день моего шестого рождения, мамин мольберт, стоявший одиноко на балконе. Гараж, заваленный старыми и таившими в себе истории вещами. Стена Славы, как называли ее бабушка и дедушка со стороны отца, увешанная фотографиями с семейных праздников, портретами и памятными наградами предков.

«Этот дом строился для тебя несколько десятков лет, поэтому постарайся беречь эти стены и эти вещи», – в моих ушах вновь как наяву прозвучал строгий голос отца, отчитывавший меня за разрисованную стену в коридоре.

Я села в маршрутку и перевела взгляд, полный слез, на картины города, пролетающие за окном. Страшно бросить свою жизнь, Тима, нашу маленькую семью в бедной, но наполненной тысячами теплых воспоминаний квартире. И в то же время мое сердце рвалось в прошлое, туда, где стоит мой дом. Внутри настойчиво звенела одна мысль – я должна вернуть то, что мне принадлежит.

3 глава. Прощание

Открывая дверь квартиры, я мысленно умоляла Тимура оказаться внутри. Перешагнув порог, я сразу взглянула на место для обуви под тумбой и, не увидев обычно валявшийся там кроссовок, почувствовала болезненный укол в сердце. Что я там думала десять минут назад? Семья, Тимур, квартира?

– Черт, – вырвалось у меня устало.

Я села на пуфик и тупо уставилась на закружившую у ног Милку. Слезы бессилия хлынули из уставших глаз. Меня разрывало от обиды и досады. Неужели для него ничего не имеет значения? От боли хотелось застыть здесь, в этой темной и холодной прихожей до тех пор, пока у двери не загремят ключи.

Переждав внутреннюю бурю, я все же нашла в себе силы успокоиться. Достав телефон, ткнула на его имя. Пошли гудки, но по ту сторону никто не ответил. Я почувствовала отчаяние. Вдруг что-то случилось? Проклятая, мучающая меня с самого детства мысль. Потому что всегда что-то в итоге случается.

Мысли вихрем проносились у меня в голове – когда он вернется, вернется ли вообще, что мне делать, как не умереть от этой волны отчаяния и осознания собственной беспомощности. Я еще долго сидела так, вслушиваясь в шур-

шание лифта и стуки соседских дверей, надеясь, что скоро и наша дверь также стукнет. Как же мне хотелось снова его увидеть. Уже неважно, что он снова ушел и, скорее всего, не придет ночевать. Я застонала от этого невыразимого желания. Мое сердце словно сковали во что-то горячее и колющее. С каждой мыслью оно стучало отчетливее, врезаясь в эти болезненные пути.

Очнулась я только тогда, когда прихожая практически полностью погрузилась в темноту. Щелкнув выключателем, я поднялась и скинула верхнюю одежду. Прошествовала на кухню, уже совершенно ничего не чувствуя. Хотелось просто выпить чаю и согреться. Под мерный шум нагревающегося чайника я встала у окна, рассматривая город с высоты девятого этажа. Макушки серых многоэтажек уныло выглядывали из-за пыльных зеленых крон деревьев. Вечернее небо покрывалось тучами в ожидании ливня. В воздухе витало предчувствие беды. Ну или мне так кажется. Однако впервые мне понравился вид за окном. Приятно ощущать это созвучие природы с моим внутренним состоянием.

Чайник протяжно завыл. Я налила себе большую чашку чая. На столе лежала не убранная с утра посуда, в том числе и подаренная мной кружка Тима, брошенная им так же, как и ее дарительница. Взглянув на бардак, я зло фыркнула и двинулась в гостиную. Лучше уж посижу там.

Я устроилась на диване поудобнее, подобрав колени к груди и сжав ладонями кружку. В полумраке вечера летучие

мышы в панике искали укрытие от грядущего буйства. Проносились зеленые листья, срывааемые с веток порывами ветра. Я чувствовала себя таким же листиком – вот только я упорно держалась за ветку, которая уже мечтала меня сбросить.

Как-то незаметно чашка опустела. Голова начала клониться к коленям. Сквозь дымку слез и усталости я слышала, как яростно забили по стеклу смолистые капли дождя. Я уткнулась лбом в колени и прикрыла глаза. Всего на мгновение...

Еще сонная, я резко подняла голову. Комната погрузилась в темноту. А сердце бешено билось. Я точно проснулась от звука хлопнувшей двери. Прищурившись, я вглядывалась в темноту, слыша тихое сопение в прихожей. Наконец, в проеме двери появилось бледные очертания лица Тимура.

– Пришел? – хрипло спросила я.

– Да, – он подошел ближе. И сел рядом.

От него несло водкой, но я чувствовала, что он совершенно трезвый. Сцепив руки в замок, Тимур долго молчал, глядя перед собой. Я притихла рядом, чувствуя неладное. В этой вихрастой голове сейчас варилась тяжелая мысль. И я в ужасе ждала его слов, как приговора.

– Я устал, Лис, – еле слышно сказал Тим.

За окном начинало рассветать, и в полутемной дымке я могла разглядеть его блестящие мерцающие глаза. Серьезные и непоколебимые. Мне стало страшно. Я попыталась дотронуться до него, но его теплая, чуть мозолистая рука мягко

отодвинулась. Я промолчала, чувствуя, что так будет лучше.

– Так больше не может продолжаться, – со вздохом произнес Тим. – Я люблю тебя, но нужно все это прекращать.

– Все это? – тихо переспросила я. – Нужно прекратить семью? Как так?

– Да вот так. Я просто так больше не могу. Да и ты тоже мучаешься.

– Я не мучаюсь, – быстро помотала я головой, подобрав ноги под себя и пристально рассматривая его. – Что случилось? Еще же вчера всё было хорошо.

– Да не было все хорошо, – Тимур откинулся на спинку дивана. – Уже давно все не хорошо. Я просто притворяюсь, но я уже задолбался так жить.

Он неожиданно рассмеялся. И от этого тихого смеха мне стало еще страшнее. Я боялась дышать. Грудную клетку жгло до боли. Я разыгрывала непонимание, боясь признаться в том, что сама давно чувствовала.

– Я уже забыл, когда в последний раз чувствовал себя спокойно, – продолжил Тим. Слова явно давались ему с трудом, но он уже не мог их сдерживать. – Когда чувствовал себя нормальным. Я не был таким. Я раньше не сбегал от тебя, не пытался забыться, не боялся твоего укоризненного взгляда. Это все не я. Какой-то другой мужик.

– И это моя вина, – тихо сказала я, не веря своим ушам. Меня захлестывала обида от такой несправедливости.

– Да, – резко ответил он. – Ты же учительница, сирота с

тяжелым детством, вся чистая и правильная. Ты всегда прощаешь и ждешь. Никогда не подставляешь и делаешь все, что должна. А я уже не могу просыпаться от очередного твоего крика во сне, не могу следить за твоим настроением, ждать, когда тебя снова захлестнут старые страхи и воспоминания. Я больше не хочу так жить. Бояться тебя обидеть, сказать лишнее слово. Только бы Алиса не беспокоилась, не стала плакать, не огорчилась, а то вновь придется водить ее к психологу и отпаивать таблетками. Ведь у нее такое тяжелое детство и больше никого нет. Я задолбался.

В конце он все же сорвался на крик. А я все же заплакала. Я видела на его лице искреннюю обиду и злость. Меня затрясло от понимания того, что эта злость обращена в мою сторону. В голове словно разорвался шар, переполненный обидой. За что он меня так ненавидит?

– Я не выбирала все это! – крикнула я, захлебываясь от слез. – Ты думаешь, мне нравится постоянно вспоминать какие-то ужасы из прошлого и просыпаться от кошмаров? Я, по-твоему, в восторге от этого?

– Нет, – Тимур быстро взял себя в руки, но по его лицу загуляли желваки. – Но я больше не могу и не хочу быть тебе домашним психиатром. Не хочу жить с тем, кого жалею. Я обычный, Алиса. Мне нравится гулять, выпивать с друзьями по выходным и не чувствовать себя предателем века за это, есть борщ после работы и пялиться в телик. Мне надоедо разбирать твои видения и воспоминания, копать в тай-

нах прошлого, лечить твои детские травмы и комплексы. А сегодня после твоего кошмара я понял, что это никогда не закончится. Я хочу жить спокойно.

Последнюю фразу он отчеканил. Слезы лились по моему лицу, но я вытерла их рукавом, стараясь говорить спокойно.

– Ты знал, на что подписываешься. Я предупреждала. И ты согласился.

– А теперь отказываюсь.

– Вот так просто?

– Нет. Но так надо. Я не хочу больше ранить тебя и хочу сам пожить спокойно.

– Хорошо. Ты можешь хотя бы успокоиться, все обдумать, а потом уже решать? Я схожу на работу, вернусь, и мы поговорим.

– Нечего уже решать, Алис, – помотал головой Тимур, решительно поднимаясь. – Я переберусь к Женьке, а ты оставайся здесь.

– Но мы же семья! Как ты можешь меня бросить?

Последние слова вырвались вместе со слезами. Я смотрела на его домашний зеленый свитер, на теплые и сильные руки, так часто закрывающие меня от всего мира, на лицо, на котором я изучила каждую морщинку, и внутри меня зрела надежда. Вот прямо сейчас презрение в его глазах сменится усталостью и раскаяньем, он вздохнет. И чуть улыбнется. Обнимет меня, извинится за эту немислимую жестокость, и мы вместе решим, что будем делать. Потому что сама я во-

обще больше ничего не знала.

– Слушай, – вздохнул Тимур и взглянул на меня еще холоднее, – я уже все решил. Я выйду покурю.

Не дожидаясь ответа, он вышел на площадку, хлопнув дверью. Я закрыла лицо ладонями, шумно выдыхая. И дала волю слезам. Несмотря на обиду, я не злилась на него. Чувствовала только боль. И с каждой минутой его отсутствия становилось все невыносимее.

У меня больше нет никого. Не осталось ни одной души, которой я важна. И даже самый близкий отказывается от меня. Я не могла поверить во все происходящее. В голове мелькали тысячи теплых моментов. Что бы со мной ни происходило, он поддерживал меня. И я знала, что ему тяжело, но Тим не подавал вида. Вот только последние полгода стал все чаще уходить из дома, но я искренне верила, что это просто такой период. А теперь внезапное предательство.

Да, предательство. Мои глаза сузились от ярости. Он знал, на что подписывается. Я не обманывала его, и он сам согласился стать психиатром, зная о моих проблемах. Неужели для него так просто забыть свои обещания?

Я встала, не в силах оставаться в неподвижности. И представляла, как Тимур сейчас войдет, и я все ему скажу. Он должен понять. И должен поддержать меня. Я же поддерживала его после университета, когда он не мог найти работу, и помогала пережить смерть отца. Или теперь и это ничего не значит?

Я в нерешимости стояла перед дверью, прежде чем решилась выйти на лестничную площадку и попытаться поговорить. Но перед этим еще задержалась в прихожей, сняла резинку с волос, упавших мне на плечи тяжелой медной волной. Расчесалась и вытерла слезы. Затем вышла на площадку, спокойная и готовая к разговору.

Но лестничная площадка пустовала. Я нахмурилась, пожав плечами. Посмотрела на лестницу, ведущую наверх, затем спустилась чуть вниз.

– Тимур? Ты здесь?

Мой хриплый от слез голос разнесся эхом. В воздухе еще клубился дым и стоял тяжелый запах сигарет, но самого Тимура и след простыл. С громко бухающим от волнения сердцем я прошлась по всем этажам и, выйдя на улицу, поняла, что он ушел. Серьезно? Сбежал после разговора? От моего спокойствия не осталось и следа. Я с трудом преодолела желание побежать по улицам, чтобы найти его. Нельзя. Дверь в квартиру оставалась открытой.

Я вернулась, перепрыгивая через две ступени. В квартире обнаружился и телефон Тимура, который он с собою не взял. Что делать? И ведь он вряд ли вернется. Неужели это все? Бросить меня вот так? Я в панике набрала Женьке, но абонент оказался недоступен. С трудом подавив желание обзвонить всех его друзей, я вышла на балкон, разглядывая лавочки и детскую площадку. Может, он просто вышел на улицу подышать? Но Тимур словно растворился в воздухе.

Каким-то чудом, чередуя слезы и уговоры, я все же успокоила себя. Он не должен пропасть. И в конце концов все же вернется. Ему завтра на работу. Вещи здесь. И телефон ему нужен. А вдруг возьмет у Женьки и тогда не нужно будет возвращаться? Замученная собственными слезами и истощенная паникой, я села на кухне. И как замороженная смотрела, как Милка вылизывает грязную тарелку. Кошка словно чувствовала, что в этой ужасающей тишине и одиночестве мне нет дела до ее бесчинств.

– Что теперь делать? – спросила я сама себя. И еле узнала свой голос, охрипший от слез. – Что мне делать?

Хотелось только умереть. Даже не так. Перестать функционировать. Перестать думать и чувствовать. Отключиться. Никогда я не чувствовала себя настолько одинокой и ненужной. И никогда я настолько не любила эту квартиру. Обняв колени обеими руками, я в тоске разглядывала стены кухни, и мой взгляд вылавливал каждую мелочь, связанную с нашей совместной жизнью.

Засушенные с прошлой годовщины розы на холодильнике, куча магнитов с поездок друзей и наших небольших вылазок в другие города, медный чайник с расплавленной ручкой, наши шикарные черные тарелки, купленные на первую зарплату Тимура в начале совместной жизни. Я невольно вспомнила, как мы впервые встретились на первом курсе университета.

Тимур учился на менеджера, ходил в одинаковых темных

джерперах, аккуратно подстриженный, смотрел хмуро и сердито на всех окружающих льдинками голубых глаз. И сразу же мне этим понравился. Я тогда подумала, что вместе мы будем смотреться как парочка снобов, ненавидящих всех вокруг. И я, типичная серая мышь, познающая тайны истории, искала с ним встреч со своими непослушными волосами в зеленом свитере на два размера больше, пропахшем старинной бабушкиного дома, и ожидала, что он со мной, наконец, заговорит. И он заговорил.

Наш первый разговор. По-моему, о каком-то учителе, который лютовал на парах. Я невольно улыбнулась, вспоминая учебные годы. Даже не верилось, что я ему понравилась. Но, видимо, Тиму тоже показалось, что мы друг другу подходим. Мы свободно стали гулять вместе, словно знакомы уже тысячу лет, рассуждали про всякую важную философскую чушь и как-то незаметно для себя договорились снимать вместе квартиру до окончания университета.

Первый месяц мы держали себя в руках и просто дружили. Смешно вспоминать, каким неловким вышел наш первый поцелуй и секс. Но в то же время естественным и простым. Все происходило так, как и нужно. И мы оба это чувствовали.

Я встряхнула головой, чувствуя щемящую боль в груди. Слишком тяжело сейчас вспоминать все то, что нас связывало. В этот момент я услышала подъезжающий лифт. Сердце замерло от надежды. Да, это он. Дверь в квартиру резко

распахнулась.

Тимур вошел весь осунувшийся и словно побитый. Взглянул на меня пустыми глазами и поставил чайник. Нет сил ругаться. Я просто смотрела на него в надежде, ожидая слов раскаяния. Он погулял, остыл и наверняка передумал.

– Прости меня, – сказал Тимур. – Я погорячился и обидел тебя. У меня нет злости или ненависти к тебе. Мы здорово прожили эти три года. Ты скрасила мою жизнь, помогала мне во всем и поддерживала. И я правда люблю тебя.

– И я тебя люблю, – прошептала я в ответ, чувствуя, как легкие начинают дышать свободнее. – Давай просто все забудем и продолжим жить, как раньше?

– Нет. Как бы мне ни хотелось, но нужно разойтись. Я не знаю, хотя бы на время. Понять, что делать дальше. Может, и тебе станет лучше? Может, я только мешаю тебе вспомнить нужное и разобраться в себе?

В его глазах засияла надежда. И от этого стало еще больнее. Он стоял на нашей кухне и мечтал, чтобы я согласилась. Отпустила его. Несмотря на жуткий внешний вид, во всем его лице уже чувствовалось дыхание новой жизни. Плечи распрямились, а в глубине глаз еще совсем робко ожидало ощущение собственной свободы. Я словно видела, как в его голове появлялись новые планы и цели. Как он становился счастливее только от одних мыслей об этом. О жизни без оглядки на меня, вечно замороженную и несчастную. И я сдалась. В конце концов, если он станет от этого счастлив,

то я могу исчезнуть из его жизни. Если любишь, то отпусти, так ведь?

– Да, давай так и сделаем, – я спокойно улыбнулась. – Разойдемся на время, разберемся в себе. Ты прав.

Тимур взглянул на меня с удивлением. И тут же просиял почти нежной улыбкой.

– И что думаешь делать?

– Пока что не знаю. Дожить до отпуска. Скорее всего, уволюсь потом, – ответила я первое, что пришло в голову. – А ты?

– Тоже не знаю, – соврал он, отводя сияющий взгляд. – Много думать.

Так уютно и привычно засвистел чайник. Пока Тимур наливал нам чай, я смотрела в окно, ничего не чувствуя. Со всем рассвело. После ночного ливня в воздухе чувствовалось оживление. Заворчали голуби на чердаке, а воробьи залились от радости. Скоро нежная и туманная синева неба зальется мягким светом весеннего солнца. И я почувствовала, как внутри созревает еще несмелое, но вполне осязаемое желание. Ничего больше не связывало меня с этим небом, квартирой и с этой жизнью. Я сидела в чужом мире и теперь просто хочу домой.

Тимур поставил передо мной чашку чая. Милка терлась о его штанину, выпрашивая кусочек колбасы. Казалось, будто этой ночи и не было.

– А вдруг мы все же не сможем друг без друга? – спросила

я, глядя в его такие родные, но уже далекие глаза. – Ты тогда вернешься?

– Конечно, вернусь, – улыбнулся он вежливо и жутко.

И последняя надежда вместе с дымком от чая растворилась в воздухе.

4 глава. Прошлое всегда догонит

Какое-то время работа помогала отвлечься. Я уходила из школы позже всех и готовилась к урокам ночами, не в силах заснуть. Под глазами поселились черные круги, волосы я теперь всегда собирала в идеально гладкий пучок, а выходы из дома снизились до минимума.

Пару раз приходил Тимур за своими вещами. Он выглядел не лучше меня, но мы оба делали вид, что все в порядке. Когда Тим пришел во второй раз, где-то спустя две недели после нашего разрыва, стало ясно, что мы больше никогда не будем вместе. От него теперь даже пахло по-другому, весенней свежестью и другими духами. Увидев, как он аккуратно складывает подаренную мной кружку, мне захотелось подойти к нему и крикнуть:

– Это же мы! Очнись! Мы Тим и Лиса. Мы не можем расстаться.

Но что-то во всей его фигуре, безупречной вежливости и сдержанности не давало мне этого сделать. Я боялась, что он просто хмыкнет, услышав это. И снова разобьет мне сердце. Несмотря на усталый вид, Тим все же выглядел как человек, который уже готов жить новой жизнью. А я в мыслях отчаянно цеплялась за него. Он забрал эту злосчастную кружку, погладил напоследок Милку, пожал меня за кончики пальцев, улыбнулся грустно и больше не появлялся.

А затем наступил июнь, и начался бессмысленный, бесконечный отпуск. Я просто лежала, изредка вставая только до туалета и иногда выбираясь в магазин. На улице стояла жуткая, совсем несвойственная Белгороду жара, которую мой организм с трудом выдерживал. Я пряталась от жгучих, достающих до самого мозга, солнечных лучей и грезила о мягкой, пахнувшей соснами прохладе.

Пару раз звонили старые подружки с университетских времен, жаждущие оказать «поддержку» и собрать сплетен, но я бодрым голосом отвечала, что все в порядке. Показываться им в таком виде уж точно не хотелось. Да и никто не нужен. Мир забыл обо мне, и я была этому только рада.

В очередной душный июньский вечер я тупо щелкала мышкой, просматривая новые фотографии на странице Женьки. Если Тим воздерживался от новых постов, то его друг с лихвой это компенсировал. Я ревниво разглядывала каждое фото с их гулянок, ища след другой женщины. Но всегда деликатный и правильный Тимур держался на фотографиях сдержанно. И мне от этого не легче. Я уже мечтала увидеть его с другой, лишь бы избавиться от этой липкой и тягучей надежды.

Вздохнув, я закрыла вкладки и хлопнула крышкой ноутбука. В голове царил пустота. На кухне громко вопила Милка, вокруг дивана разбросаны упаковки от пиццы и кофейные стаканы. словно впервые увидев состояние квартиры, я в некотором шоке разглядывала все вокруг. Диван, завален-

ный вещами, засохшие цветы на подоконнике, запах нестираного белья. Да и пижама на мне уже не самой первой свежести. Понюхав воротник, я недовольно поморщилась. Пора бы привести себя и дом в порядок. Откинув плед, я поднялась. Сколько дней прошло со дня последнего выхода из дома? Не меньше недели.

Дойдя до кухни, я открыла холодильник. Зияющая пустота. Милка поднялась на задние лапы, вопя во все горло.

– Сейчас, моя хорошая. Что-нибудь найдем... – пробормотала я.

Достав пачку молока, которое уже превратилось в кефир, я налила его Милке. Кошка накинулась на миску, и я почувствовала прилив стыда. Милка-то уж точно ни в чем не виновата. Надо сходить за кормом. Но прежде – привести себя в порядок.

Я вышла из кухни и дошла до ванной. С трудом давался каждый шаг. словно я постарела на сотню лет. Щелкнув выключателем, я обнаружила, что ванна покрылась хлопьями грязи с последнего пользования. Я сгребла все остатки внутренней энергии. Нужно почистить ванну и принять душ. Простые вещи, казавшиеся сейчас непосильными.

Я нагнулась, доставая из ящика под раковиной чистящее средство и губку. Поднявшись, столкнулась взглядом с собственным отражением. Волосы поблекли и тускло лежали на макушке, лицо покрылось какой-то серой пеленой. словно каждую ночь приходил вампир и высасывал из меня всю

жизнь.

Почистив ванну, я пустила воду. Умывшись, вновь взглянула в собственные глаза, приблизив лицо к зеркалу. По спине пошел холодок от ощущения, что кто-то стоит сзади. Я резко обернулась. Никого. После недели добровольного заточения что угодно может померещиться. Но сердце все равно гулко ухало в груди. В ванной мне всегда становилось немного не по себе.

– К черту все, – пробормотала я, преодолевая страх.

Расслабиться не удалось. Быстро приняв ванну, я вышла в коридор, чувствуя, что жизнь начинала налаживаться. Высушив волосы, оделась в последние чистые вещи, найденные в шкафу, – рабочую рубашку и брюки. Жарковато, но сойдет.

Я уже стояла в дверях, когда по квартире разлился перезвон телефона. Сердце стукнуло от радости и надежды. Может, Тимур? Дрожащими руками я торопливо откопала телефон в сумке и посмотрела на экран нахмурившись. Тетя Вера?

– Здравствуй, тетя, – ответила я, присаживаясь на пуфик в прихожей.

– Здравствуй, Алиса! – радостно ответила Вера. – А я с хорошими новостями. У нас появился покупатель.

Я замерла. Ну почему всегда одна беда следует за другой?

– Что ж... я рада за тебя. И кто же это?

– Владелец горнолыжного курорта. Сама база чуть дальше дома, и ему показалось очень удобным его расположение.

Тем более он любитель домов с историей, был в восторге от кабинета Вити.

Еще бы он не был в восторге. Я мрачно усмехнулась. Любитель домов с историей. И что теперь значат мои копейки против денег владельца базы?

– Я вот что звоню, – продолжила тетя, не дождавшись ответа. – Нужна твоя подпись в договоре о продаже. Мне нужен адрес для того, чтобы отправить копию. Ты у бабушки в доме живешь?

– Нет, я на съемной квартире. Я... чуть позже сообщу адрес.

Я отключилась, хмуро глядя в пол. Голова пыталась осмыслить все происходящее и понять, что делать дальше. Я огляделась. Посмотрела на темный и захламленный коридор, на кухню с желтыми обоями, на собственные руки, сжимающие потрепанную коричневую сумку. Я чувствовала себя чужой и потерянной в этом городе, но внутри все сильнее разрастался страх.

Я мяла пальцы, ощущая, как сердце пульсирует в ушах. Не будет ли это ошибкой? Не потеряю ли я то малое, что у меня есть? И чем дольше я думала, тем усиливался страх и нерешительность. Из трансa меня вывел звук пришедшей эсэмэски – Вера не теряла надежды закрыть вопрос с домом раз и навсегда. Но я не ответила. Посмотрев на застывшие над экраном длинные и тощие пальцы, я заметила, что они дрожат.

Поддавшись какому-то импульсу, эти пальцы предательски набрали знакомый наизусть номер. Я стерла телефон Тима из списка контактов, но не из собственной головы. Хотя, скорее всего, он уже сменил номер. К моему удивлению, слышались длинные гудки. Тим ответил через пять гудков.

– Алиса? Что-то случилось?

– Пока что не знаю, – ответила я еле слышно. Мне стало неловко. – Прости, что беспокою. Это очень глупо...

– Ничего страшного. Что случилось?

Я вздохнула, пытаясь собраться с мыслями.

– Мне нужно с тобой посоветоваться, – невольно вырвался смешок. – Мне больше не с кем. Ты можешь говорить?

– В принципе да, – голос Тимура звучал настолько спокойно, что я никак не могла считать его эмоцией.

– Моя тетя все же нашла покупателя на дом и просит меня подписать договор о продаже, – выпалила я, разглядывая рисунок на стареньком линолеуме. – И я не знаю, что делать.

Тимур еле слышно усмехнулся.

– Как я могу советовать тебе что-либо? Это твоя жизнь и твой дом.

– Пожалуйста. Мне очень страшно.

Повисла пауза. Я слышала, как он барабанит пальцами по чему-то твердому. Тим всегда так делал, когда думал. Сердце дрогнуло от нежности. Несмотря на расставание, он остался мне ближе всех.

– Я не могу сказать, что тебе надо делать или нет, – подал

он, наконец, голос. – Но я знаю, что все три года ты грезила об этом доме и мечтала туда однажды вернуться. И все эти воспоминания не зря мучили тебя столько лет.

– Думаешь, если я вернусь, то смогу что-то вспомнить?

– Думаю, что возвращение поможет тебе расставить все по местам и отпустить прошлое.

Надежда на будущее. Вот что я услышала в этих словах. Прошлое терзало меня, но Тим дал надежду на то, что я смогу отпустить его и пойти дальше.

– Спасибо. Ты прав. Но тогда мне некуда деть Милку.

– Вообще-то, это и моя кошка тоже. Я позабочусь о ней. Тебе правда стоит съездить домой, Алис.

– То есть мне не отвертеться? – невольно засмеялась я.

– Думаю, что нет, – с улыбкой ответил Тим. – Позвони, как соберешься, ладно?

– Хорошо, – кивнула я.

Положив трубку, я еще некоторое время с задумчивостью водила пальцем по погасшему экрану смартфона. Что ж, Алиса, от прошлого не убежать. Оно всегда догонит. И пора бы уже встретиться с ним лицом к лицу.

На подготовку к отъезду у меня ушло две недели. Приободренная появившейся целью, я уверенно двигалась к ней. В первую очередь вычистила квартиру и собрала необходимые вещи. Три года жизни спокойно поместились в чемодан и один небольшой рюкзак.

Затем уволилась, не объясняя причин. Я еще не успела потратить все отпускные, так что одна часть из них пошла на покупку билетов до Сортавалы с пересадкой в Петербурге, а другая осталась на оплату съемного домика. Каким-то чудом мне удалось найти подходящее жилье в шаговой доступности от родового гнезда. Жизнь словно сама толкала меня в нужную сторону.

Утром, в день отъезда появился Тимур. За полтора месяца он практически не изменился, только выглядел более усталым и серьезным. Устроившись на кухне так, словно никуда и не уходил, он внимательно наблюдал, как я мечусь по квартире, пытаясь не забыть ничего необходимого.

Запахавшись, я села рядом с ним, отпивая заботливо приготовленный Тимуром чай. Как ни странно, но неловкости между нами не чувствовалось. Мы больше не вместе, но оставались друзьями, что не могло не радовать.

– Ты положила таблетки?

– Забыла. Сейчас положу.

– Сиди, я сам, – остановил меня Тим, поднимаясь из-за стола.

Вернувшись с Милкой на руках, он с улыбкой тискал ее и гладил по круглой голове. Кошка восторженно мурчала, не веря своему счастью. Я поглядывала на нее с легкой завистью.

– Наверное, останусь здесь жить с Милкой. Женьке я уже надоел.

– Так будет даже лучше.

Я взглянула на часы и вздохнула. Время пролетело быстро, и мне уже надо выходить.

– Пора? – спросил Тим.

Я молча кивнула, грустно улыбнувшись. Сердце ныло от страха. Хотелось бы просто остаться. Чтобы Тим вернулся, и мы продолжали жить, словно ничего не произошло. Казалось, что ему стоит просто посмотреть мне в глаза и эти полтора месяца, и вся моя поездка просто превратятся в воспоминание об очередной нелепой ссоре. Но я понимала, что это иллюзия. Даже если мы снова сойдемся, то это ничего не решит.

– Я провожу тебя, – поднялся Тимур. – А еды взяла с собой?

– Ой.

Я вскочила и вытащила из холодильника заготовленные бутерброды в контейнере.

– Эх ты, Маруся, – вздохнул Тимур.

Мы суетливо собрались, толкаясь в прихожей. Я еще раз прошлась по квартире, проверяя, все ли взяла. Погладив Милку на прощание и чмокнув ее в нос, вышла на площадку. Пока Тимур возился с ключами и чемоданом, я пыталась понять собственные ощущения. Грусть, страх и вместе с тем ожидание приключения. Сосало под ложечкой от предвкушения. Наверное, это хорошо.

До Ладожского вокзала мы ехали практически молча, пе-

рекидываясь редкими фразами. Тимур купил мне кофе, и мы вместе сидели на лавке в ожидании поезда. С каждым объявленным рейсом его уверенность сменялась нервозностью. С напускной увлеченностью Тим рассматривал поезда, словно боялся взглянуть на меня и выдать свои истинные чувства. Мы оба понимали, что возвращаться я не планирую.

Перед самой посадкой ему все же пришлось взглянуть мне в глаза.

– Можно мне тебе звонить иногда? – неожиданно для самой себя спросила я.

– Конечно, – нервно кивнул Тимур, взяв меня за руку. – Я всегда помогу.

– Я знаю, – я еле удержалась от того, чтобы не поцеловать его.

Жеванный женский голос объявил отбытие. Мы попрощались скомканно и неловко. Я махнула рукой, торопясь в вагон, он быстро приобнял меня и тут же затерялся где-то в толпе. Я даже не успела найти свое место и взглянуть на него в окно, как поезд уже тронулся. Взгляд в панике выискивал темную взъерошенную макушку среди толпы. Мы же можем больше никогда не увидеться. И он исчезнет в дымке воспоминаний, как мама и папа.

Трясущимися руками я сжала ладонями термос, в который Тимур предусмотрительно налил мне кофе на вокзале. Я смотрела на этот термос, и слезы покапали сами собой. Он заботился обо мне до последнего. Обреченно ухнуло сердце.

Я потеряла его навсегда.

Под мерный стук колес поезда, стремительно движущегося в сторону Петербурга, я наблюдала за пронесившимися мимо бесконечными полями вперемешку с лесами. Эти картины, известные каждому, кто хотя бы однажды путешествовал по России, не вызывали у меня никаких чувств. Только тяжесть и пустоту.

Хотелось тишины и спокойствия, но попутчики – необъятный и жизнерадостный мужчина с матерью, тихой и неприметной старушкой, – нарушили его, заставляя стол различной снедью.

– Угощайтесь, – вежливо предложила старушка.

Я с улыбкой помотала головой.

– Да нет, спасибо, – ответила я и достала из рюкзака конфеты с бутербродами. – Вы тоже угощайтесь.

Мать с сыном с удивлением посмотрели на мои скудные запасы. Но мои мысли снова улетели вдаль. Расположившись на нижней койке, я сонно наблюдала за пролетающими мимо деревьями. Вся неделя прошла в суете и тревоге. Прощание с Тимуром, такое тяжелое и сумбурное, окончательно лишило меня сил. От стука колес неумолимо клонило в сон. И я рухнула в его спасительную темноту.

Декабрь 2001 года

Один шажок, другой. Алиса крадется вслед за манящей ее за собой рукой. Она слышит хихиканье из темноты впереди

и доверчиво ступает прямо в нее. Но нога неожиданно не натывается на препятствие, а летит вниз. Алиса падает на лестнице, едва успев зацепиться за перила.

– Ты неуклюжая, – игриво шепнули сзади прямо в ухо.

Между лопатками отлично поместилась ладонь. И Алиса почувствовала настойчивый, сильный толчок. Она кубарем слетела вниз, руками защищая голову. Сжавшись в клубочек, она лежала у лестницы, не чувствуя даже страха. Просто пустота. И отчаяние. Разве в пять с хвостиком лет так себя чувствуют?

Алиса подняла голову, вглядываясь в неясный силуэт наверху лестницы. Она не видела лица или очертаний тела – просто темное пятно. Пятно, которое жаждало ее смерти. Алиса неожиданно почувствовала запоздалый страх. Она захныкала, отодвигаясь от лестницы вглубь зала.

Стукнула дверь спальни родителей, включился свет. Понеслись торопливые шаги. Мама, завязывая пояс на халате, спускалась к ней по лестнице. Алиса, хотя и знала, что она не причинит ей вреда, все равно испуганно расплакалась и обняла себя руками. Ей так хотелось, чтобы мама ее пожалела.

– Что тут происходит? – спросила мама, опускаясь перед ней на колени. – Что ты, маленькая? Что ты здесь делаешь, Лисенок?

– Я не знаю! – сквозь слезы ответила Алиса, закрывая лицо руками. – Кто-то толкнул меня вниз, мама. Почему? По-

чему я должна умереть?

Последние слова Алиса произнесла уже с криком. Мать смотрела на нее растерянно, явно не зная, что делать. Она повернулась к подоспевшему отцу, ища поддержки. Тот, потирая глаза, пытался понять, что произошло. Присел рядом с матерью и неуклюже обнял Алису, с трудом отодрав ее от стены, в которую она вжалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.